

Это книга умного,
очень хрупкого внешне,
но очень сильного
внутри человека.
Человека, дружить
с которым я дорожу.
Почитайте.
Позвоните.

Михаил Ходорковский

Ирина Ясина

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ

В попытках
быть счастливой

CORPUS

Ирина Ясина История болезни. В попытках быть счастливой

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4605513

История болезни. В попытках быть счастливой / Ирина Ясина: Астрель : CORPUS; Москва; 2012

ISBN 978-5-271-45234-5

Аннотация

«Он выдал следующее: “Вот представляете, жил молодой, красивый, богатый, а потом в один день попал в автокатастрофу и сломал себе спину. Все, жизнь закончилась!” – “Ну и придурок, – подумала я. – Вот сейчас, Михал Иванович, вы полную глупость сказали. Жизнь не закончилась, она просто изменилась. Бывает, кстати, что некоторым это очень прочищает мозги”». Так пишет Ирина Ясина, опираясь на свой опыт жизни человека с очень тяжелой болезнью. Ее книга – совершенно удивительное чтение. Свидетельство без назидательности, честное, мужественное и совсем простое. Уметь радоваться и благодарить; поменьше себя жалеть; помогать другим; всегда смотреть вперед и спрашивать себя «для чего все так повернулось в моей жизни?»; любить людей, ценить их, всерьез ими интересоваться – в случае автора книги «История болезни» это не благие пожелания, а повседневная практика, свой рецепт полной и счастливой жизни в непростых обстоятельствах. И еще на страницах книги, написанной легко и с юмором, – множество людей: любимые родители и дочка, Людмила Улицкая и Михаил Ходорковский, самые разные друзья, писатель Гальего Гонсалес и президент Буш – (плюс некоторое количество котов), – и с каждым связана одна или несколько прекрасных историй. Ни одна протестная акция последнего года не обошлась без участия Ирины Ясиной, о чем она пишет в своих дневниках, разъяняя собственную позицию. Не жди, не бойся, не проси, просто остановись и посмотри на себя и на свою жизнь – у тебя все уже есть. Вот о чем эта книга.

Содержание

Счастливая Ира	4
Посвящение	5
1999 – конец моей молодости	8
Новый век – 2000	11
Поиски поддержки...	11
...и попытки прожигать жизнь	13
Новая жизнь	17
2001	19
2002	21
2003 и следующий 2004 – не разделить!	24
2005	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ирина Ясина История болезни. В попытках быть счастливой

Счастливая Ира

Есть одна расхожая и сомнительная истина, которую в двадцатом веке сформулировал великий пролетарский писатель Максим Горький – “Человек рожден для счастья, как птица для полета”. Мысль соблазнительная, с большими и тяжелыми последствиями: когда счастья в жизни никакого не происходит, а, напротив, предлагаются сложности, несчастья, жестокие испытания и много безрадостного труда, человек испытывает огромное разочарование. Мне гораздо больше нравится идея, что человек имеет потенциальную возможность стать счастливым. Это связано с преодолением трудностей и сложностей жизни, с противостоянием несчастьям и невыбираемым обстоятельствам. Оставим в стороне само содержание этого неопределенного понятия – счастья. Я давно уже пришла к мысли, что минуты счастья, испытываемые иногда каждым человеком, вовсе не делают его счастливым. Каждый из нас проходит свой путь от рождения до смерти, и внутри каждой человеческой жизни есть свое высокое задание. Одни люди прекрасно справляются, реализуя свой потенциал, другие маются и тоскуют, избегая или не справляясь со своим уникальным жизненным заданием.

Ира Ясина – один из тех людей, кто выполняет свое задание, несмотря на тяжелые обстоятельства, которые другому человеку помешали бы, выбили из колеи, превратили бы в эгоцентрика, все содержание жизни которого сводится к недовольству, жалобам и депрессии.

Прошли те времена, когда мы выбирали себе учителей среди старших, высокообразованных, выдающихся людей. Сегодня лучшими учителями оказываются наши друзья, и не обязательно старшие, и не обязательно самые авторитетные. Ира Ясина – моя подруга. Я ценю те ее качества, которые всегда были ей свойственны: ум, честность, высокий профессионализм.

Она младше меня по возрасту, но старше по опыту. Выпавшее на ее долю испытание, тяжелая и пока неизлечимая болезнь воспитала из хорошей, но обыкновенной женщины личность незаурядную. Именно болезнь открыла в ее душе такие запасы мужества и смелости, что сегодня она стала учителем для многих людей, здоровых и больных. В трудные минуты своей жизни я обращаю свой взгляд на нее. И дело не только в той войне, которую она так успешно ведет против своей болезни. Она умеет смотреть в глаза страху и побеждает его. Побеждает плохое настроение, усталость, жалость к себе, может быть, и отчаяние. Об этом я могу только догадываться. И я бы тоже хотела этому научиться. Предлагаемая книга – учебник для тех, кому трудно, кто не умеет пока справляться с жестокими ударами жизни, и я благодарна Ире за ее искренность, за ее высокую безжалостность к себе и милосердие к окружающим.

Людмила Улицкая

Посвящение

*I've loved, I've laughed and cried.
I've had my fill; my share of losing.
And now, as tears subside,
I find it all so amusing.¹*

Когда отцу исполнилось 70 лет, мне позвонил мой приятель с поздравлениями и сказал: “Ты, Ясина, в казино не ходи. Тебе один раз уже в жизни повезло”.

Повезло? Конечно повезло. Это для вас для всех он – Евгений Григорьевич, а для меня – папка, папуля.

Отцом я его никогда не называла. Отец – слово не ласковое, почти суровое. А папа был и есть всегда теплый и ласковый.

Когда я обнаружила, что у меня есть такой папа? Наверное, в то время, с которого я помню себя более или менее связно. То есть лет с восьми. До этого воспоминания – как всполохи, маленькие легенды, то ли было, то ли не было. Например, есть семейная легенда про то, как Ясин меня воспитывал, заперев в туалете. Мама говорит, что мы гуляли в парке и, трехлетней, мне страстно захотелось шарик. Шариков, естественно, не было. Я какое-то время канючила, а потом легла на землю, пытаюсь, видимо, наглядно изобразить законность и обоснованность моих притязаний. Аргумент папу не убедил. Легенда гласит, что он сгреб меня в охапку и прыжками понесся домой. Где и запер орущую меня в туалете. И выключил свет. Но я этого не помню. Мое первое отчетливое, разложенное по дням, воспоминание – это лето 1972 года, мы на дедовой даче под Одессой, папа в шортах, носит в рюкзаке из Затоки дыньки-колхозницы. Учит меня плавать, спасает от огромных медуз, рисует на дощатой стене туалета на участке смешные картинку про индейцев. Учит меня играть в бадминтон. А еще мы ездим на противоположный берег Днестра, в Белгород-Днестровский, в суворовских времен крепость Аккерман, и папа нервничает, когда мы постоянно натыкаемся на кучки человеческих фекалий под каждой героической бойницей.

Папа помнит себя примерно с того же возраста, лет с семи. Началась война, и детская картиночная память “я помню, как мы с мамой фотографировались во дворе” превратилась в связанную линию спешной эвакуации из Одессы, погрузки на поезд в Знаменке, бомбежки около Днепропетровска. Папа помнит, что он поднялся с пола и встал около окна вагона и видел бредущий полет “мессершмиттов”, а мама и другие люди в это время прятались под полками. Потом была жизнь в Северном Казахстане, сначала в Актюбинске, а потом в Акмолинске, потом Верхний Уфалей на Урале. Дед, Григорий Львович, работал на железной дороге, занимался, как бы сейчас сказали, снабжением фронта. Когда фронт стал двигаться на запад, на запад стал двигаться и папа. Помнит абсолютно разрушенный, только что освобожденный Харьков и станцию Лозовая, где жили почти год в голоде и во вшах. Папа болел тифом.

Его воспоминание о голоде очень сильное до сих пор. Летом 1942 года, когда они жили в Казахстане, мама отправила его в, как теперь бы сказали, “пионерский лагерь” в поселке Щучье. С утра дети шли за грибами, потом грибы варили, и это была их еда на день. Может

¹ “Я любил, я смеялся, я плакал, я получил сполна и пережил немало поражений, но теперь, когда слезы высохли, мне приятно вспомнить и это” (англ.) – строка из песни *Mu Way* Фрэнка Синатры на стихи Пола Анка.

быть, с тех пор Ясин ничего не оставляет на тарелке и все ест с хлебом. Даже кашу и макароны.

В семейном архиве одна из любимых фотографий примерно того времени, когда мы подружились с папой. Мне лет восемь, а Ясину, соответственно, около сорока. Папа с красивой бородкой. Видимо, поэтому мне всю жизнь нравились бородатые мужчины. Это те годы застоя, рассказывая про которые, отец скажет: “Мне казалось, меня уже похоронили”.

Что было делать в вялые семидесятые такому неугомонному и думающему человеку, как папа? То, что он много работал, я помню. Приходил домой с работы поздно, а в выходные обязательно что-то писал за письменным столом в родительской комнате. В своем кабинете, совмещенном с их спальней. Когда папа работал, дверь в родительскую комнату закрывалась, бабушка ходила по дому тихо и ругалась на меня, когда я шумела. Ручку, которой Ясин писал, трогать было строго-настрого запрещено. Это была китайская перьевая ручка, перышко у которой было здорово скошено направо. Писать ею было, как мне казалось, неудобно, но Ясин утверждал, что от этой зелененькой ручки у него вдохновение. Тогда еще Ясин курил. Не помню, когда он перешел с сигарет на трубку, но запах сладкого трубчатого табака всегда ассоциируется у меня с папиным рабочим местом.

Папа приходил с работы, ужинал, и мы шли гулять. Ясин вообще всегда поддерживал себя в хорошей физической форме. Зарядку делал, бегал, одно время даже моржевал. Прогулки с папой после его работы были невероятно интересными – он всегда что-то рассказывал. Не про политику и экономику, мне тогда это было неинтересно, а про мушкетеров, пиратов, великие географические открытия и исторические сражения – самое оно! Интерес к истории и географии жил в нем всегда. Когда-то в Одессе он хотел поступать на географический факультет университета, но из-за пятого пункта не осмелился. Над моей детской кроватью всегда висела географическая карта. Поэтому географию южных районов СССР я знаю особенно хорошо. Таджикский Хорог и туркменская Кушка находились аккурат напротив моего носа. Ну а если в кровати сесть – то вот оно, Забайкалье.

Еще у нас была Коллекция. Старые папки с пожелтевшими листами, на которые наклеены черно-белые фотографии городов и памятников недоступной заграницы, стоят в шкафу. Папа выписывал “Вокруг света”, чешские и польские журнальчики о путешествиях, ножницами вырезал картинки, придумывал подписи, формировал папки. Чехословакия, ГДР, Болгария, а дальше церкви Франции, Равенна, Великая Китайская стена, индийская Аджарта и Мадагаскар. Он побывал везде, не выходя из своей комнаты. И я вместе с ним. Папа научил меня отличать романский стиль от готики, чертить на карте маршруты путешествий Бартоломео Диаша и Васко да Гама. Мы играли в города, часами, вечерами, и не зная, столица чего Антананариву, было неприлично.

Я совсем не знала, чем папа занимается. Только по корешкам книг, которыми был забит вручную сколоченный кем-то из дальних родственников стеллаж, могла понять – статистика, АСУ, экономика. Нет, не экономика – плановое хозяйство. Имена авторов были также очень красивы – Канторович, Урланис. Тома собраний сочинений Маркса и Энгельса нависали с верхних полок.

Когда я начала понимать, что папа – заметный и значимый человек? Точно не раньше того, как поступила в университет. Конечно, в нашем подъезде в Перово его все уважали. Он не пил, регулярно подбирал набравшихся не в меру соседей и разносил их по квартирам и никогда не давал в долг на выпивку. А в университете меня вдруг стали спрашивать – а ты что, дочь Евгения Григорьевича? А, тогда понятно.

Что понятно? Понятно, что меня будут оценивать как-то особенно, может быть, более снисходительно, а может быть, наоборот. Столкнулась я на факультете и с тем и с другим. Математические кафедры, в дисциплинах которых я явно не блистала, могли поставить мне пристойную оценку за “наследственное знание предметов”, а бойцы идеологического фронта с кафедры политэкономии хотели придраться, да не могли. Мой гуманитарный мозг запоминал всю социалистическую хрень с одного прочтения. Правда, после сессии из головы все жизнерадостно вылетало.

То есть папа был для одной части факультета друг и брат, а для другой – противник. Потом я много раз спрашивала его: в какой момент он перестал верить в коммунизм? Ведь верил же? Не мог не верить, и по воспитанию и по образованию. Он всегда говорил, что точкой невозврата стал 1968 год, советское вторжение в Чехословакию. В 1968 году папа выучил чешский, чтобы читать их газеты, а в 1980-м – польский.

Потом была моя сумасшедшая молодость. С отцом мы были по-прежнему близки. Но уже не так. Мои любви, взросление, самостоятельность без мудрости, замужество отдалили меня от него. Одновременно жить в стране становилось все интереснее. А папу все интереснее слушать.

У меня не было шансов увернуться и не быть его сторонницей – сторонницей свободы, рынка и минимального присутствия государства в жизни общества и каждого человека. Вас он убеждает, когда вы слушаете его по радио, но дома-то он тоже обо всем об этом говорит...

Когда папка был министром, а я журналистом, я никогда не приставала к нему, стараясь выведать, чего журналисту знать не положено... Мы даже никогда не договаривались об этом – предполагалось само собой. Как то, сказанное им мне еще в детстве: “Не позорь фамилию!”

Я старалась. Иногда мне становилось обидно. Все мои успехи объяснялись тем, что Ясин помог. Это еще хорошо, что я так и не стала экономистом. Быть экономистом с такой фамилией и, мягко выражаясь, полной неспособностью заниматься наукой, было бы смешно. У меня другие достоинства: я быстро (но поверхностно) схватываю, умею простыми словами объяснить. Но сидеть и размышлять дольше минуты... А он – часами, на отвлеченные темы... Преклоняюсь.

– Ну конечно, при таком-то отце...

Типа можно быть полной дурой, и все равно – успех неминуем.

Как бы не так!

Папа – тот редкий человек, который, уйдя из власти, почувствовал облегчение. Занялся университетом. Он обожает свою Вышку – Высшую школу экономики, которая выпестована и вдохновлена им...

И вот таким вы все его знаете. И, надеюсь, уважаете. А я просто до какого-то тихого мурлыканья, до замиранья – люблю. И повесть моя посвящена папе, моему учителю и судьбе.

1999 – конец моей молодости

Как сложно начать! Хотя в разговорах с близкими подругами, с дочкой, с самой собой я проговаривала все это много раз. Но письменный текст, он другой, я журналист, я знаю. Право, совсем просто давать интервью, когда тебе задают вопросы. А посмотришь расшифровку того, что наговорено, и приходится править, вычеркивать, дописывать. Письменный текст требует большей ответственности. Перед собой в первую очередь.

Когда она пришла? Она – это моя болезнь, сущее, которое изменило мою жизнь, не исковеркало, не обворовало, а медленно и неуклонно выбивало старые привычки, устоявшиеся интересы, меняло вкусы и отношение к дому, к вещам, к любви, к чужим слабостям. Отнимая одно, всегда щедро давало другое.

У болезни несколько дней рождения. Первый, когда ты начинаешь ее чувствовать. Второй – когда ставят диагноз и ты понимаешь, что это навсегда. А третий – когда осознаешь, что она, твоя болезнь, с тобой уже очень давно. Вас просто только недавно познакомили.

А реально я осознала, что не просто стала быстро уставать, а что-то серьезно не так, в мае 1999 года. Все симптомы появлялись и раньше: накатывала свинцовая усталость (но если прилечь, она быстро проходила), слишком часто подворачивалась левая нога (может, обувь неудобная или связку раньше потянула, а теперь оно вылезло), немели пальцы рук (курить в юности надо было меньше)... Но в мае 1999-го, когда мы с родителями поехали в Лондон и Эдинбург, на меня навалилось что-то большое, глобальное и неведомое. Я испугалась и решила по возвращении сдать врачам. Но дома появились другие проблемы, и до врачей я дошла только к середине лета.

Врачи, в моем тогдашнем понимании, обладали врожденной презумпцией виновности. Они точно хотели меня залечить, обобрать и сделать своей работой. Они, надо сказать, были тождественны такому к себе отношению. Без смеха не могу вспоминать, как меня, среди прочих экспериментов, отправили лечиться гипнозом. Я вообще-то маловнушаемая особа, что обычно понятно из простого разговора. А уж когда тебя пытаются загипнотизировать под аккомпанемент работающей в коридоре дрели!

По всему по этому, когда после месячного пичкания транквилизаторами меня отправили к окулисту, я страшно возмутилась.

– На хрена мне весь этот медосмотр! Я проверяю свою близорукость, когда заказываю новые очки в модной оправе, – пылила я.

Помню эту свою почти истерику по поводу проверки зрения (даже слезы были!) очень хорошо. Лето, красота, никаких вроде бы предчувствий.

А молоденькая девушка-окулист почему-то забеспокоилась и погнала меня делать ядерно-магнитный резонанс.

Через час результат был готов. У врачей сомнений не было – рассеянный склероз. По моему, сначала мне самой этих слов не сказали. А если бы сказали, я бы не испугалась. Я не знала, что это такое. Мне запомнились какие-то мутные слова типа “тени в головном мозге”. С чего вдруг?

Откуда я узнала подробности? Медицинской литературы в моем доме не водилось. Говорить о страшном словосочетании с кем бы то ни было я боялась (произносить – и то

боялась). Дома был Большой энциклопедический словарь. Его любила пользоваться свекровь при отгадывании кроссвордов. Наверное, оттуда. А еще вспоминаю, что сидела в кабинете очередного врача, а она вышла. Я, как воришка, быстро стащила с полки неврологический справочник. Тайком. Прочитала. Врач вернулась. Вопросов я не задала, как будто если не произносить слово вслух, оно не станет реальностью. Самое страшное, что я могла вообще узнать о болезни, – она неизлечима. А еще про инвалидизацию, трудности при ходьбе, нарушение равновесия и еще пару абзацев кошмаров. Но главное – неизлечима.

Может вообще понять значение этого слова молодая женщина (35 лет!), относительно здоровая, привыкшая не обращать внимания на свой организм? Я о нем особо не заботилась, всякую зарядку-фитнес-бассейн с детства не любила, и организм, пошаливая иногда, не мешал мне жить активной жизнью. Привыкшая к успеху, прекрасно танцующая, обожающая велосипед по бездорожью и высоченные каблуки? Прочитать с ужасом описание болезни я могла, допустить, что такое в принципе может случиться, – могла. Понять, а тем паче примерить на себя – нет! Тем более что пока я только уставала и спотыкалась. Нет, не только! Уже становится нелегко ходить вниз по ступенькам. Нужны перила или чья-то рука.

Вот с рукой выдалась особая проблема. На момент прочтения мною слова “неизлечима” у меня был муж. Жили мы со студенчества, много чего пережили, много работали (как-никак лихие 90-е – наше время!), много наслаждались жизнью. Был он веселый, остроумный, щедрый, не без комплексов и странных привычек, но кто же на них обращает внимание, когда вы рядом со студенчества? Как мы сами с ним шутили, “были вместе еще при коммунизме...”.

Проблема в том, что муж любил гулять. Знаете такую студенческую шутку: “Что такое симпозиум? Пьяная оргия с участием женщин”. Вот-вот. Я догадывалась, конечно. Но правила общежития он нарушил за все годы один раз (пришел домой утром, а не вечером), врал мастерски, а я, видимо, хотела верить. За что и поплатилась. Через несколько ночей моих истерик с криками “Что же со мной будет?!” муж сказал, что хочет пожить один, но всегда станет помогать мне материально.

Что такое “пожить один” понятно даже такой доверчивой дуре, как я. Вопросы, которые жизнь ставила передо мной, становились все более экзистенциальными.

Что, моя жизнь заканчивается? С этим еще можно примириться. Все-таки я начиталась в юности Ремарка. Вместо того чтобы годами бороться с болезнью в высокогорном санатории, Лилиан покупает шикарные платья от Баленсиага и несколько месяцев наслаждается жизнью. А потом снова в санаторий, но уже ненадолго. То, что предстояло мне, пугало больше смерти. Беспомощность. Зависимость. Одиночество.

Мне было страшно просыпаться. До пробуждения и даже в первые секунды после него была слабая надежда, что все это мне снится. Первые полгода я не могла толком ни работать, ни читать, ни воспринимать адекватно окружающих. Увлекательной работы у меня тогда не было – после Центрального банка, из которого я ушла сразу после дефолта августа 1998 года, все было скучным. Предложений работы было не так много, как бы хотелось, но деньги я зарабатывала. Воспринимать кино или театр тоже не получалось.

Я понимала, что для дочки атмосфера в доме стала просто ужасной. Ушел папа. Мама все время плачет и ни с кем не общается. Чтобы как-то оградить десятилетнюю девочку от происходящего, я завела щенка. Смешной маленький мопсик, названный нами Лео, здорово помог. Щенок он и есть щенок – играет, грызет мои цветы в горшках, дудонит на пол, учится поднимать заднюю лапку. Для дочки он стал отличным партнером. Лео помог ей даже не помнить те, самые страшные для меня дни.

Я то время на самом деле плохо помню. Искала ли я виноватых? Искала, конечно. Первыми подворачивались муж и его молодая подружка, о которой мне конечно же рассказали в подробностях. Катя, живет на Плющихе, двадцать два года. Она, впрочем, не скрывалась – например, пришла поздравить мужа с днем рождения, когда мы сидели за столом с гостями. С букетиком. Я ее выгнала. Сама, правда, после этого тоже не засиделась за праздничным столом. Попросила мужниного друга, который был когда-то свидетелем на нашей свадьбе, проводить меня через три улицы из ресторанчика домой.

– Ну, ребята, вы даете, – буркнул Серега.

Вы? С множественным числом я была не согласна.

Мужу моему поведение его подруги, такая борьба за него, очень нравились.

Головой я понимала, что хотя они оба ведут себя по-свински, но все же не они виноваты в том, что я заболела. А сердце... Рвалось на части. Мне было 35, а женщина во мне погибала. Мне же казалось, что муж ушел из-за моей болезни. Ему, дурачку, просто не повезло. Его очередной роман и моя болезнь просто совпали во времени. Ну да, и девушка его шла ва-банк в борьбе за собственное будущее.

Мой диагноз мужа не остановил – он ушел в самый тяжелый момент. Момент отрицания мною происходящего. Безумного желания вернуть прошлое. Но это я сейчас так спокойно говорю...

Эта парочка вволю поиздевалась надо мной. Девушка Катя могла позвонить в дверь квартиры с утра и передать галстук, который “твой муж забыл ночью”. Или, наоборот, объявиться по телефону после полуночи и заботливо посоветовать “не волноваться, он уже выехал”. Когда я жаловалась мужу, он говорил, что я все придумала. Нервы были на пределе.

А поскольку я честная по природе своей, то я понимала, что другого мужа в моей жизни уже не будет. Если ушел этот, с которым я прожила четырнадцать лет и родила дочку, так что же говорить о ком-то еще. Любой мужчина услышит слова “рассеянный склероз” и...

В себе я тогда еще не копалась. Я пряталась... Самым главным смыслом жизни стало делать вид, что все по-прежнему. То есть те же каблуки. Те же силы. Ни в коем случае не дать понять окружающим, что с моим телом что-то происходит. Врать, что подвернула ногу и поэтому держусь за перила... Создание видимости существования прежней Иры Ясиной занимало все мое время. Страшнее периода в моей жизни не было.

Новый век – 2000

Поиски поддержки...

Порывав на кухне под прощальные слова Ельцина, получив от беглого мужа в подарок на миллениум очередную симпатичную висюльку и проводив его веселиться со здоровой красоткой, я снова погрузилась в имитацию прежней жизни. Но одновременно я начала искать помощь – и моральную, и физическую.

Я выросла в совершенно атеистической семье. Русская бабушка крестила меня тайком от родителей в мои два года, а я об этом узнала совершенно случайно. Дело было так. Году, кажется, в 1996, зимой я поехала к приятелям в гости на дачу. Засиделась допоздна, и на обратной дороге Варюшка заснула на заднем сиденье. Темно, да еще, как бывает, на тоненький ледок выпал беленький снежок. Мне взбрело в голову переключить радиостанцию. Музыка, видите ли, не понравилась. Дорога была очень скользкая, и машину понесло. Дочка спала сзади. Нас крутануло несколько раз, вынесло на противоположную сторону. К счастью, на дороге кроме нас никого не было. Машину просто прислонило к большущему сугробу, она заглохла, и все.

Я перевела дух. Испугалась я по-страшному. Попыталась выехать из сугроба. Фигушки. Минут через пять рядом остановилась простецкого вида восьмерка, а из нее вышли трое крепкого вида парней.

“Ну, все, – подумала я, – лучше бы автокатастрофа...” Но молодые люди предельно вежливо спросили:

– Девушка, вас вытолкнуть?

И вытолкнули. Я даже толком не помню, проснулась Варька или нет.

Утром я позвонила своей тетке Гале и попросила ее сходить в церковь и поставить за меня свечки, потому как Бог спас меня конкретно два раза за один вечер.

– А че сама-то не пойдешь? – спросила тетя Галя с ее замечательным владимирским оканьем.

– От меня до Бога далеко, – ответила я.

– А кто тебе сказал? Мы тебя с крестной (моя бабушка была теткиной крестной) крестили во Владимире, когда тебе два года было.

Пауза.

– А родители знают?

– А зачем им, коммунистам, знать?

Вот такая история.

То, что в моей ситуации люди ищут поддержку в церкви, я понимала. Я даже знала, что был такой целитель Пантелеймон и около его иконы хорошо бы попросить...

Я пошла в маленькую уютную церковь рядом с домом – на Малом Власьевском переулке – и стала искать там эту икону. До этого я бывала в церквях только туристом. Надо ли говорить, что мне никто из женщин, одетых в темное, не помог и что они почти обругали и выгнали меня? От церкви осталось ощущение беспомощности и стыда. Я потом пробовала “приобщиться” еще пару раз. Но мне не повезло.

Второй виденный мной в кино способ обретения помощи – психоаналитик.

Женщина Наташа и правда оказалась очень профессиональная и милая, хотя меня чуть коробило от мысли, что она получает деньги за то, что копается в моей душе. Но не это стало причиной нашего быстрого расставания. Наташа решила выйти за рамки профессии (все от симпатии и желания помочь – я не сомневаюсь!) и познакомить меня с каким-то суперпродвинутым биологом, который взялся доказывать мне, что надо в вену вводить что-то противовирусное и болезнь пройдет. Я уже не помню, что именно вводить. Я ему немедленно поверила. Стала ездить, по его рекомендации, к какому-то ученому доктору в Сокольники. Он делал мне внутривенные инъекции. Профессионалом этого дела он не был, тыкал как попало. Но вены были в отличном состоянии, и все получалось. После инъекции фитилем вверх взвивалась температура.

Потом сама поняла каким-то образом, что исцеления не произойдет. Господи, это был первый раз, когда я рыдала при малознакомых людях... Я кричала “нельзя так шутить, нельзя так обнадеживать, я же вам верю!”.

Вообще в тот период я еще способна была обольщаться различными способами относительно легкой победы над рассеянным склерозом, не понимая, что это просто остап-бендеровские способы отъема денег. Сколько их было! Экстрасенсов, корейских массажистов (массаж, конечно, чудодейственный), просто людей, которые уверяют, что умеют что-то, но не знают что..

Надо ли говорить, что первый десяток разочарований был ужасен? Что все они, эти маги, были очень убедительны? Что я готова была пить, втирать, прикладывать, только бы помогло.

Двоим из сонма я благодарна – экстрасенсу Саше из города Вязники Владимирской области, который честно сказал, не взяв денег, что в моем случае он бессилен, и астрологу Валерию Дедовских. Он, правда, возник на моем небосклоне годом позже. Ничего не сказав про болезнь, он посоветовал мне не сомневаться (а я очень сомневалась) и осуществить сделку с недвижимостью, которую мне предлагают. Он не конкретизировал. Не знал. Просто сказал: “Вам это, то, что предлагается, будет нужно всю жизнь”. А мне предлагали землю – соседний с родительской дачей участок. Я послушала и купила. В 2003 переехала в построенный дом и с тех пор там живу. Он с пандусом и без ступенек. Я объяснила архитектору, что меня ожидает.

Я знаю, что Валерий Дедовских вскоре умер. Я очень часто его вспоминаю.

...и попытки прожигать жизнь

Весной меня все же потянуло пожить, как та ремарковская героиня. Я взяла с собой дочь и решила, что раз в жизни я должна увидеть венецианский карнавал. Какая же это была ошибка – поехать в город, где нельзя передвигаться иначе, кроме как ходить пешком. Ни автомобилей, ни лошадок, запряженных в повозки, как во многих европейских городах. От пристани до пристани на гондоле (но еще отдельная задача в нее влезть), а дальше – на своих двоих.

Я в Венецию уже приезжала однажды – на один день. Из делового Милана с утра три часа на поезде. Потом целый день наслаждаешься. Вечерней электричкой – обратно. Идиотка! Я же была тогда здорова. А теперь умение соотносить возможности своих ног и желания души стало самым важным делом. Так и ходила я по Венеции от кафе к кафе, от церкви к церкви – там можно было присесть. Точнее сказать, я ползала, а уж когда была пешеходная экскурсия, думала, что лягу прямо на мостовую... Про танцы вечером на площади Сан-Марко с масками, с людьми в невероятных карнавальных костюмах можно было только мечтать. Видит око, да зуб неймет – теперь эта басня стала про меня.

Вернувшись домой, я пошла к врачам. Догулялась, а до этого донервничалась я до обострения. Результат – больница, капельницы с гормонами на пять дней. Впервые.

Рассеянный склероз – это такая поганая штука, при которой решительно невозможно движение вспять, что бы ты ни предпринимал... Онемели пальцы – все, теперь так и будет. Не хочет идти красиво и пружинисто левая нога – все, теперь не заставишь. Потом правая. Потом просто передвигаться. Как-нибудь. Каждое обострение ведет к более быстрой утрате функций. Где тебя прихватит на сей раз, никто не знает. Ноги, руки, глаза, способность держать равновесие. Восстановление невозможно. Точнее, иногда возможно, при менее злой форме болезни, чем моя.

Это все на моем собственном примере доходчиво объяснил мне прямой до безобразия доктор Алексей Бойко.

– Вы никогда не будете прежней, – куда уж яснее.

И прописал мне лекарство. Колоть подкожно, через день, в местах уколов возможно покраснение. Первое время может подниматься температура. Если лекарство подойдет, оно затормозит развитие болезни. Стоимость 1300 долларов в месяц. Колоть пожизненно. Хранить ампулы в морозилке, а не просто в холодильнике.

– А меня держать рядом с этим холодильником!.. Пожизненно. А как же мои поездки – командировки?

Как возить с собой лекарство? Вместе со льдом? Заметьте, это было десять лет назад, до всех терактов. Тогда в самолетах правила провоза ручной клади были намного более либеральными. И то я впала в панику. Я не готова была менять свой образ жизни.

Раньше я думала, что склероз – это когда что-то забываешь. Помните шутку – ничего не болит и все время много новостей? Моя болячка оказалась иной. Это тяжелейшее аутоиммунное поражение центральной нервной системы. Без видимых причин происходит сбой в иммунитете, и он начинает бороться не с внешним вирусом или другим раздражителем, а с твоим собственным белком. Конкретно, с белком миелином, обволакивающим нервные окончания. Что происходит с электрическим проводом, лишенным обмотки, изоляции? Его коротит. Ток по нему не доходит до цели. Так и с сигналом мозга. Нервные окончания, лишенные миелиновой оболочки, не передают сигнал. Мышцы, постоянно не получающие

команд, слабеют. Помните присказку, что нервные клетки не восстанавливаются? Так это про рассеянный склероз. А самое жуткое, что этот иммунный ответ невозможно исправить. Болезнь – как атомная реакция. Будучи запущенной, не останавливается. По крайней мере, пока никто, нигде в мире не знает, как это сделать.

Я приехала из больницы домой. Положила бетаферон – нового спутника жизни – в морозилку и стала ждать реакции на первый укол. Мне его сделали в больнице. Часа через три началось: ломота в костях, озноб, температура лезет. Такой полномасштабный грипп. День пропал, оклемалась ближе к ночи. Ничего, можно жить, главное, чтобы помогло! А температура – это ж только недели три.

Температура поднималась месяц, второй, все лето...

С начала лета мы с дочкой уехали в Англию. Она – на летнюю четверть в обыкновенную тамошнюю школу учить язык. А я со своим чемоданчиком с бетафероном и льдом – в соседний город, жить в пансионе и типа совершенствовать свой английский. А на самом деле зализывать раны. В Москве делать мне было нечего, хотелось оторваться от родного города, в котором я стала какой-то неприкаянной.

На выходных я ездила на электричке к Варюше, а по будням бродила вдоль моря, ставила себе задачи – сколько я должна пройти сегодня. Мне тогда еще казалось, что тренировками можно многого добиться. Планировать что-то на будущее я не решалась, горизонт планов был месяц максимум.

В пансионе я встречала милого пожилого мужчину, который по вечерам играл на скрипке в холле. И он и я жили уже около месяца, а остальные постояльцы все время менялись. Он начал подсаживаться ко мне после ужинов.

Скрипка – пальцы моей души, – говорил он. В нем все было необыкновенно трогательно и романтично. Платочек в кармане твидового пиджака, обязательно под цвет галстука. Его жена умерла полгода назад. Взрослые дети, родились внуки. Свой дом в графстве Кент. Он начал ухаживать за мной. Русская, все время одна, грустная – наверное, я подходила под его ситуацию. Вот только разница в возрасте меня шокировала. Он был старше моего отца. Я не решилась даже на ресторан.

Как я была не уверена в себе – караул! – я в подростковом возрасте чувствовала себя лучше. Комплексы росли во мне со страшной силой. А еще эти температуры через день! Я стала колотиться на ночь, чтобы оставалось для жизни дневное время. Это слабо работало – всю ночь меня бил озноб, и утро я встречала разбитая и вымотанная.

Кроме того, уколы оставляли следы. Красные пятна вокруг мест инъекций на животе и ногах постепенно превращались в синяки. Их становилось все больше. Стояло жаркое лето, но о том, чтобы раздеться на пляже, я не могла и мечтать. Я, всю жизнь жизнерадостно демонстрировавшая свои красивые колени окружающим, носила исключительно брюки или юбки до щиколотки. Предплечья тоже были исколоты.

Возвращаться в Москву не хотелось. Англия создавала иллюзию порядка. В Москве изменившаяся я оказалась бы снова в прежних, привычных декорациях, и это мучило больше всего. А тут никто не знал меня такой, какой я была раньше, и странности моего поведения не были заметны. Но надо было зарабатывать, а это возможно только дома. Весь год я пользовалась предложенным мужем материальным вспомоществованием, поэтому денег не считала. Наоборот, старалась истратить побольше. Такой был способ мести. Получалось не очень – желаний и потребностей у меня было не много.

Еще одну странную для меня попытку разорвать сужающийся круг болезни я предприняла осенью 2000 года. После возвращения из Англии. Читая совершенно не медицинскую, а совсем даже общественно-политическую книжку про историю Югославии второй половины XX века, я наткнулась на рассказ о якобы произошедшем в Боснии незадолго до начала югославского кошмара явлении Божьей Матери. Я бы не обратила никакого внимания на это, я ведь человек совсем нерелигиозный. Но вслед за описанием самого явления Девы Марии шести детишкам рассказывалось о том, что Меджугорье, в котором все произошло, стало местом паломничества. Люди поднимались на гору явлений, где и видели Марию дети, и там молили о чуде. В книжке было написано, что было много случаев излечения. Вот, например, от рассеянного склероза.

Стоп. Книга перестала быть книгой о предпосылках войны в Югославии. Дальше я уже не читала. Я хотела поехать в это Меджугорье.

Я поехала. Прямо в конце сентября. Организовать все было нетрудно. Летишь до Дубровника, дальше берешь такси и едешь по невероятно красивым местам Хорватии, где следы войны еще видны и не заметить их невозможно. Царапины шрапнели на стенах жилых многоквартирных домов. Страшные ямы от прямых попаданий крупных снарядов на когда-то ухоженных участках вокруг двухэтажных брошенных вилл. Дом разрушен, а рядом миролюбивая такая пальма. И никого вокруг. Граница Хорватии и Боснии была бы вообще незаметна, если бы не два пограничника. Которые уже (или еще?) ничего не проверяют.

Вокруг Меджугорья знаков войны просто много. Неудивительно, ведь рядом печально известный Мостар. А вот и само Меджугорье – совершенно необычное для меня место. Мальтийские рыцари в белых плащах с крестами тащат в гору носилки с парализованным человеком. Большие группы пожилых людей, взявшись за руки и распевая псалмы, идут наверх. Ближе к вершине огромное количество табличек с благодарностями.

Ловлю себя на том, что смотрю вокруг глазами туриста. Мне просто очень интересно. Сил почему-то хватает дойти до самой верхушки горы. Благо она невысокая, а довольно жаркое сентябрьское солнце вдруг скрывается за тучами и не печет. Для меня это важно: я все хуже и хуже переношу жару. И это тоже симптом моей болезни. Но вот попросить чуда исцеления не получается. Я просто не умею. Мне нравятся улыбчивые католики, поющие церковные гимны, мне нравятся маленькие гранатовые деревья вокруг, мне предлагают бутылку воды, мне дают попробовать инжир, мне комфортно... Но не более того. Душа не реагирует.

На обратной дороге тучи сгущаются и начинается гроза. Она бушует вечером и весь следующий день. А я так хотела поплавать в море! Успокаиваю себя: я здесь не за этим. Буря такой силы, что в гостинице гаснет свет. Электричества нет, значит, не работает холодильник. А значит, греется и портится мой бетаферон. Я ужасно боюсь пропустить даже один укол. Меняю билет на ближайшую дату. В первый же погожий день улетаю в Москву. В кошельке остается маленький деревянный крестик “Меджугорье”. На память.

Тут произошло совсем странное – на несколько месяцев вернулся муж. То ли его совесть замучила, то ли что еще. Я решила смирить гордыню и принять его. Надеялась, что “там” все закончилось? Надеялась, конечно. А зря.

Он постоянно ездил на какую-то охоту, которой раньше совершенно не увлекался. По выходным, разумеется.

Ближе к зиме он мне сообщил, что у него родился сын. Но он станет жить дома, а ту семью навещать... Выбор оказался за мной. Смогу я терпеть предложенную схему? Я не долго думала. Я мало похожа на жену из гарема. Несмотря на болезнь и ее страшные перспективы, я поняла, что не смогу так жить.

Я пишу об этом холодно и спокойно. Сейчас. Это стало историей, прошло десять лет. А тогда? Идиотская мелодрама... Не про меня. Я приняла решение. Я сама. После этого много раз слышала от него “но ты же сама меня выгнала!”. А что мне оставалось?

Сейчас я очень хорошо знаю, что это было абсолютно верное решение. Оно освободило в моей жизни пространство для нового счастья. Совсем по-иному формулирующегося. Не того счастья, которое виделось мне в юности. Но счастья.

Новая жизнь

И что? Помогал бетаферон? Ни хрена не помогал. Только побочки (побочные явления – больничный сленг) изматывали. Шатало меня все больше, уставала все чаще. Пятнистой стала, как леопард. Моя деятельная натура требовала каких-то решений. И тут в моей жизни появился Леня Невзлин.

Я и раньше его знала. Писала о банках все 1990-е, ну и про “Менатеп”, акционером которого он был, писать доводилось. А еще я один раз написала про ЮКОС. Аккурат на следующий день после того залогового аукциона, на котором маленькая компания “Лагуна”, зарегистрированная в городе Талдом Московской области, купила большую компанию ЮКОС. Нелицеприятная такая была статья. Это я вспоминаю, чтобы не было ухмылок про ангажированность.

Я сейчас не могу понять, как вдруг так получилось, но я рассказала ему, Лене, правду о себе. Так рассказывают соседу по купе больше, чем близкому человеку. Про болезнь, про мужа. И он неожиданно для меня начал помогать. Потом я много раз встречалась с тем, что он, человек в то время властный, почти всесильный, и расчетливый, олигарх, одним словом, просто кидался помогать кому-то, кто заболел. Но дело было не в его звонках врачам и бесконечно присылаемых свежесжатых соках. Он сделал для меня главное на тот момент. Можно сказать, что Леня Невзлин меня тогда спас. Он привел меня к Ходорковскому. Тот не сразу, но рассказал о планах создания “Открытой России”. Через какое-то время у меня появилась интересная, любимая и хорошо оплачиваемая работа. То есть некая почва для уверенности в себе. А главное, в своем будущем. Леня знал о моей болезни. А уж его фразу, произнесенную в ответ на мои закомплексованные сомнения: “Зачем я вам такая больная?” – и ответ: – “Ты ж не балериной у нас будешь работать” – я очень часто вспоминаю.

Невзлин в ту пору, как и пол-Москвы, “сидел на Волкове”. Худел то бишь по специальной диете, основанной на анализе крови. Притащил туда и меня. Сил у меня еще хватало, чтобы взбираться к обаятельному и безответственному доктору Толе на шестой этаж без лифта, и я поддалась чарам. Мама начала варить и парить, жареного нельзя, смешивать белки и жиры нельзя, пить только воду и не во время еды, любимый крепкий черный чай нельзя... Правил было штук сто. Но главное, доктор Волков запрещал лекарства, говоря, что химия все это, чистый яд. То есть мой опостылевший бетаферон – нельзя. Толя был чрезвычайно лихой и временами чрезмерно рисковый. Но мне это было в масть, как в карточной игре, – у меня появилось оправдание, чтобы бросить опостылевшие температурные уколы. Может, и зря я это сделала, но на тот момент была уверена, что права. Плюсов было много! Долой температуру через день и эти ужасные пятна! Деньги тоже играли роль. Это теперь государство хоть как-то компенсирует затраты на дорогостоящие медикаменты. А тогда – шиш. Толя придумал, что слезать с бетаферона надо постепенно, и я уменьшала дозу еженедельно – 0,9, 0,8... 0,2, 0,1. Это заняло почти три месяца. Попутно у меня получилось сделать доброе дело. Доктор Бойко рассказал мне про молодую женщину Дашу, страдающую, как и я, рассеянным склерозом, которая только что родила дочку, и на этом фоне у нее началось сильное обострение. Денег в семье нет, а бетаферон очень нужен. Первый укол я поехала делать Дашке сама. Взяла свою ампулу, показала молоденькой, почти отчаявшейся маме, как и куда колоть. Руки у меня тогда еще не дрожали.

– Не больно?

Потом я отдавала Даше все увеличивающуюся дозу бетаферона. По мере того, как уменьшалась моя. И у нее началась ремиссия. Даша позвонила мне лет через семь – только

тогда у нее случилось новое обострение и стало тяжело ходить. Дочка была уже в первом классе.

2001

К весне 2001 года я начала освобождаться от панического страха перед будущим и освободилась окончательно от кошмара температуры.

И тут, стараниями Лени, у меня возник офис. Не просто работа, куда надо ходить каждый день, а для этого вылезать из дому, одеваться и красить лицо, что тоже было самоценно. А шикарное место – две комнаты в красивом бизнесцентре в Трехпрудном переулке. У меня появился сотрудник Вовка, который работал со мной еще в Центральном банке. По мановению волшебной палочки пришла в мою жизнь секретарь Нюша. Эта замечательная женщина, моя ровесница, сказала: “Мое имя Инна. Но если вы будете называть меня Нюшей, у нас с вами все будет хорошо”. У меня получилось. Ню-ю-юша!

Подарки судьбы сыпались на меня. Занимаясь одним большим нефтяным пиаровским проектом, мы связались с фирмой, оттуда на переговоры пришла Маша Голованивская. Выпускница филфака, остроумная и расслабленная, она манерами и стилем жизни напоминала мою подружку по первому курсу университета, тоже филологиню Ленку С Машей в мою жизнь снова вошло ощущение умеренного пофигизма, юношеской легкости... стихи, разговоры про книжки, премьеры. И почти девчоночий треп за полночь под бутылочку белого винца. Это была первая дружба моей новой эры.

К лету стало еще лучше. Удалось реализовать мою давнишнюю мечту – созвать Клуб региональной журналистики. Я об этом думала с 1997 года, с того времени, когда в ЦБ проводили деноминацию рубля. Разъяснительная кампания, за которую я отвечала, получилась простой и убедительной. Лучшее доказательство ее удачности – это то, что про нее забыли. Вышло бы плохо – помнили. Тогда очень большую роль сыграли журналисты провинциальных газет. Общалась я с ними по телефону, а называлось это действие громким словом – селекторная конференция. Провела я их штук шестьдесят. Ребята писали очень дельно, четко, а поскольку это было не тупое размещалово за деньги одного и того же текста, вышло очень здорово – их статьи были живые. Вот с тех пор мне и хотелось собирать этих замечательных ребят и рассказывать им про экономику. И выступали чтобы перед ними умные и увлеченные эксперты. И чтобы наше российское население, прочитав, или послушав, или посмотрев грамотный материал, просвещалось и вело бы себя осмысленно и адекватно. Не сразу, конечно... Маниловщина? Нет. Я до сих пор если во что и верю, то в просвещение.

Ходорковский дал денег! На год, по два семинара в месяц, по пятьдесят человек каждый семинар. Причем я по-честному предупредила его, что никакую заказуху через моих семинаристов я размещать не позволю. Что значит “не позволю”? Метод один – сразу уйду. Он согласился. Пообещал. Слово сдержал. Потом многие ребята писали про дело ЮКОСа. Особенно когда Мишу арестовали. Но это всегда было их личное желание.

Собственно, знаю я Ходорковского, если мне не изменяет память, года с 1994-го. Впрочем, первые годы просто видела, что-то писала, не более того. Впервые он появился на моем горизонте полноватым и усатым новорусским банкиром, стоящим рядышком с такими же, как он, Александром Смоленским и Владимиром Гусинским. В здании мэрии была какая-то туса уполномоченных банков правительства Москвы. Обслуживающие московский бюджет банкиры внешне ничем не отличались друг от друга. Думаю, что и внутренне тоже не отличались. В следующий раз Ходорковский и я столкнулись на залоговых аукционах. Не прямо на них, конечно. Просто написала я в газете “Финансовые известия” на следующий день

после покупки ЮКОСа вполне неприятную для Ходорковского статью. Про то, что куплен этот лакомый кусочек неким АО “Лагуна”, зарегистрированным за две недели до покупки в городе Талдом Московской области. И т. д. Пафосная была статья. Подписала я ее не псевдонимом, а своей фамилией. А папочка-то мой был тогда министром экономики. Не политкорректно получилось. Встреченные мной случайно через несколько дней после аукциона конкуренты Ходорковского предложили защиту. “Если че”.

То есть для меня Ходорковский был вполне обычной акулой нашего капитализма. Я не знала, отличается ли он от других зубастых. Потом оказалось, что отличается. Он пошел какой-то другой дорогой. Я помню, как он рассказывал о своих первых встречах с коллективом “Юганскнефтегаза”. Про чувство ответственности, про правду и большую собственность, которая может сделать человека лучше.

Мне потом стало понятно, что чем-то он от себе подобных отличался всегда. Как минимум, более пренебрежительным отношением к сфере потребления. К новорусским понтам, говоря проще. Помню, как спросила Невзлина, что он дарит Мише на 40 лет.

– Часы. Новая модель.

Воображение немедленно подкинуло мне нечто массивное, какое я потом видела на запястьях крупных чиновников. Но нет. Часы были действительно суперские, но стоили две тысячи долларов. Что, конечно, круто, но я по-другому представляла себе подарки миллиардера миллиардеру. Однако другое было не принято.

2002

Прошло почти два года со дня знакомства с диагнозом. Что я имела в активе? Не особо прочистившиеся мозги: мне по-прежнему хотелось вернуться в докризисное состояние. Свободу. Работу. Приличную зарплату. Подрастающую и очень близкую мне дочку. Нормальную внешность. Физические проблемы, которые я по-прежнему умело скрывала от окружающих. Пройти я могла без остановки не больше ста метров, но зато у меня была машина! По лестнице вниз ходить не получалось – я научилась врать: громко жаловаться на головокружение с утра или вчера подвернутую ногу. Этот набор достоинств давал некоторое количество мужчин, искавших, выразимся куртуазно, моего расположения.

Честно, это было очень приятно! Их, этих мужчин, случилось пятеро. Не одновременно, конечно, не смейтесь, а где-то в течение года. Были они все как на подбор: немного старше меня, профессионалы в своем деле, состоявшиеся и состоятельные. Просто заводить любовный роман мне было совершенно не интересно. А мужчина, который бы остался рядом со мной, был очень нужен. Минусом к моим достоинствам был один не известный окружению недостаток – неизлечимая прогрессирующая болезнь. К претендентам изначально было всего одно требование – их свобода. Отсутствие брачного союза, официального или гражданского. После моей собственной истории сама мысль вторгнуться в чью-то семью была мне отвратительна.

По этому критерию я отвергла троих. Первый из одиноких производил при более тщательном рассмотрении впечатление человека грубого, хамоватого. Самым противным его качеством была абсолютная уверенность в том, что за его деньги любая женщина будет отплясывать польку-бабочку и при этом помалкивать. Намеки были солдатские, увлечения мачообразные. Типа байкерство на мощном мотоцикле по ночной Москве. Со страхом и я разок покаталась, надев черную кожаную курточку. Ну, короче, на первом же свидании он по-мужлански пошутил про раздвинутые ноги. Я встала и быстро ушла. Потом он долго, года два, звонил мне, извинялся и интересовался, счастлива ли я. Чувствовал, что переборщил?

Оставшийся одинокий претендент был застенчив, скромн, мало говорил о себе и очень редко улыбался. Единственным явным недостатком было то, что он все время опаздывал. Но это было маленькое, почти смешное зло в моих попытках выбрать меньшее из зол!

Максимум через месяц после начала всамделишного романа с ним я призналась. Сказала, что тяжело больна, что у меня рассеянный склероз и состояние мое будет ухудшаться.

Его ответ спас меня. Спас еще раз, как годом раньше Ленькино предложение работы.

– У тебя же не терминальная стадия рака. Живи спокойно.

Про терминальную стадию рака он говорил сдержанно, но как человек, видевший наяву, что это такое. Так я догадалась, что он вдовец. Потом моя догадка подтвердилась. Его жена умерла от рака. Ей было столько же лет, сколько и мне на момент нашего с ним знакомства.

Главным достижением в борьбе за новое осознание самой себя стало то, что я перестала задавать себе вопрос “За что?”. Есть его подвид: вопрос “Почему я?”. Крайне неконструктивные вопросы, искать ответы на которые просто опасно. Как, например, ответить на первый? За то, что в детстве ударил девочку? За то, что прадедушка как-то подпортил карму потомкам? В череде пользовавших меня проходимцев была одна магическая массажистка, которая, взглянув на мой живот, абсолютно обычный животик молодой женщины, завопила: “Вы приняли на себя беды всей вашей семьи! Ваши родственники могут ничего не бояться.

Вы самая сильная в семье!” Вау. Стоила эта хрень сто восемьдесят долларов за сеанс. Была она из Омска, и рекомендовали ее, потому как “взяла она своими руками больной орган (кажется, фигурировала почка, но как ее можно взять?) мальчика и мальчик выздоровел!”. Я очень быстро с ней рассталась.

Вопрос второй – почему я? – имеет короткий ответ из старого анекдота: “патамушта...”

Я в то время очень любила смотреть сериал “Скорая помощь”. Молодой и красивый Клуни, да и в целом то, как слаженно и умело действовали там врачи и сестры, меня как-то успокаивало. И, понятное дело, много больных людей на экране. То есть я не одна мучаюсь...

Там фигурировала молоденькая афроамериканка-медсестра. Кажется, Глория. Она чем-то заразилась от непутевого мужа. Так вот это она произнесла: “Не спрашивай “за что, спрашивай “для чего?”” Меня как прострелило! Сериал потом несколько раз повторяли, и я все время смотрела сначала – ждала эту фразу.

Для чего? Ответы на этот вопрос находились быстро. Для того чтобы простить. Успеть извиниться. Попробовать сделать. Научиться радоваться. Преодолеть. Стать примером. Очень созидательные ответы. Переключилась я довольно быстро. Для чего?

Я не оставляла попыток найти средство, чтобы выздороветь. Щедрый Леня оплатил мне поездку в клинику в Германии. Один раз и через это надо было пройти.

Клиника находилась в Баварии рядом с красивейшим городом Бамберг. Больница была полна немецкими пенсионерами, телевизор был немецкий, книжки я с собой взяла, но досуга все равно было больше чем достаточно. Главная же проблема обнаружилась сразу в день приезда. Узнавшие, что я не колю ни бетаферона, ни каких-то других иммуномодуляторов, немецкие доктора просто не знали, что со мной делать. Зачем я приехала, если мне не надо ни гормонов, ни феронов? Их немецкое лечение должно идти строго по протоколу, шаг влево-вправо приравнивается к побегу.

Мне делали массу мелких и ненужных процедур – иглоукалывание в коленку, какой-то прочий гидромассаж.

Ванна при этом, понятное дело, наполнялась теплой водой. Любой знакомый с РС знает, что нас, страдальцев, надо хранить в холоде. Мы себя лучше чувствуем, если не жарко. Это тоже симптом болезни. Дочка Варюшка все время смеется надо мной:

– Мама как устрица. Ее надо хранить на льду.

Но немцы сказали “надо”! Теплая вода – все равно надо! Увернуться от процедур все же иногда удавалось, а потому “лечение” превращалось в борьбу со свободным временем. Зато окрестности посмотрела! Красивая страна...

В клинике я познакомилась с медсестрой (имя забыла!), которая втравила меня в очередную авантюру по поиску панацеи.

Предположим, она – Катарина, высокая, сильная девушка лет тридцати. Она рассказала мне (говорила по-английски), что у нее тоже РС и что пять лет назад, когда ей было двадцать пять, она уже передвигалась только на инвалидном кресле. Нашелся гений, доктор, гонимый официальной медициной (бывает везде сплошь и рядом!), который придерживается вирусной теории возникновения РС и, соответственно, борется с вирусами, а конкретно – с вирусом Эпштейн-Барра, в организме пациента. Это напоминало теорию супербиолога начала моих поисков, но вирус, с которым боролись немцы, был другой. Выглядело все более солидно, но надо было ехать в Ганновер. Я поехала. Ганноверская клиника оказалась маленьким кабинетом в боковом крыле большой государственной больницы. Всем пациентам ста-

вили капельницу с препаратами кальция. Катарина говорила, что ей делали капельницу раз в неделю. В моем случае речь шла о том, что делать надо через день.

И опять надежды, попытки прогнать сомнения... Катарина, напоминала я сама себе, уже передвигалась в инвалидном кресле, а я еще нет! Значит, мне будет проще! Теперь она ходит на дискотеку и разъезжает на мотоцикле. И у меня все получится, надо только надеяться и все делать.

Ганновер – не Бамберг. Это город, полностью разбомбленный во время Второй мировой, смотреть в нем нечего. К тому же стоит дикая жара. Кондиционеров в гостиницах нет. Я рвусь домой. Впрочем, меня никто не держит. Мне только надо взять с собой лекарства.

В результате с закупленным ящиком препаратов я лечу из Ганновера в Москву. Лечу одна, кстати, как и привыкла, без чьей-то помощи, и впервые понимаю, что это ошибка. Теперь так нельзя. Во время пересадки, в аэропорту Франкфурта, огромном и запутанном, меня штормит и качает так, что я боюсь отцепиться от поручней эскалатора. Съездила, полетела, ничего не скажешь...

В Москве нахожу милую медсестричку Люду, умеющую ставить своими волшебными ручками капельницы даже младенцам. Люда будет ездить ко мне домой по утрам до своей работы и делать вливания. С привычной мне регулярностью – через день. Но после немецкого кальция не повышается температура! Нахожу людей в Берлине, которые будут по мере необходимости пересылать мне препараты в Россию. Логистически все складывается. Я – хороший менеджер!

Вот только, как и прежде, ни шиша не помогает. Я жду и надеюсь. Образ активной Катаринины не дает мне быстро разувериться. Вен, в которые получается вводить лекарство, становится все меньше. Они исколоты, как у наркомана. Но я надеюсь, читаю в интернете про ганноверского врача и жду позитива. Я совсем не думаю, что, скорее всего, эта медсестра – коммивояжер, распространитель этих препаратов. Увезла же я их с собой целый ящик...

На работе, как будто кто-то задался целью возместить мои никчемные усилия в сражениях с болезнью, все закручивается интереснее и интереснее. С начала 2002 года это уже “Открытая Россия”: много проектов, много интереснейших встреч, лучших людей страны. Все это сделало из меня в конце концов другого человека. Я просто была открыта для нового. На тот момент это была единственная моя заслуга.

Роман мой с неулыбчивым вдовцом тоже развивается. Все непросто. Просто – это когда вам обоим по двадцать пять, никаких травм и обид позади, а то, как вы приспособливаетесь друг к другу, вам обоим незаметно. Но это не наш случай. Я вся напичкана страхами и подозрениями. Я не могу поверить в искренность и верность, и он, вероятно, тоже не может до конца поверить мне... Его напрягает, что формально я еще замужем. Настаивает, требует, чтобы я развелась. По мне, брак-развод не значит ничего, только шенгенскую визу получить замужней легче, но если надо, я разведусь. Вдруг он хочет, чтобы мы поженились? Он ведь даже спрашивал, собираюсь ли я на сей раз менять фамилию? Я совсем, совсем не против нового замужества! Я даже очень “за”! Это стало бы шикарной точкой в моей печальной матриониальной истории. И как хочется праздника! Выйти замуж... Я еще нормально хожу, мне только надо будет все время держать его под руку. Без опоры мне уже тяжело. Но ведь смотреться это будет просто замечательно! Для меня по-прежнему важно, как я буду выглядеть со стороны...

Я оформляю развод. Дальше ничего не происходит. “Хорошо. Молодец”, – говорит мой неулыбчивый спутник, и жизнь продолжается.

2003 и следующий 2004 – не разделить!

Наступает 2003 год. Очень важный. Переломный.

В смысле здоровья он начинается совсем плохо. Я вообще никогда не любила сильный ветер. А тогда, в январе, он был очень сильный и очень холодный, но ни шапки, ни платка у меня с собой почему-то не было. “Мозг замерзает”, – я пыталась смеяться. Но на следующее утро не смогла простоять без опоры ни минуты, а уж идти и подавно, так сильно меня качало. Я покупаю тросточку, чтобы опираться во время ходьбы и остановок. Трость изящная, с красивой резной ручкой, тонкая, не медицинская, с маленьким резиновым набалдашником внизу. Скорее для красоты моя первая тросточка...

Для красоты и остаточных понтов.

Мне бы сразу залечь в больницу на капельницу с гормонами, но я все тяну и тяну. Страхи, совершенно необоснованные, безграмотные страхи: от гормонов испортится обмен веществ, растолстею, потом никогда не вернусь к своему весу. Я по-прежнему в своих пятидесяти килограммах, с того момента, как я похудела после рождения Варюшки. Мне в них красиво и комфортно, я шучу, что такой вес оптимален, когда мужчины носят тебя на руках.

Если бы задумалась получше, то смогла бы представить, что скоро-скоро это ношение на руках станет печальной необходимостью. Ну и врачи подыграли моему идиотскому безответственному поведению.

– У меня явное обострение, – настаиваю я.

Но ядерно-магнитный резонанс обострения не фиксирует, еще рано, оно только-только началось. На снимках пока прежняя картина. И пожилой академик советует мне не нервничать и есть больше орехов. А мне только того и надо: если можно, тем более благодаря такой весомой рекомендации, избежать больницы и капельниц, я только рада.

Очередная целительница лечит пиявками. Но это, по крайней мере, не вредно. Почему-то почти каждый день вылезает маленькая температура. 37,1 или 37,2. Мне становится все хуже. В моей жизни возникает первое инвалидное кресло.

– Пусть будет, – успокаиваю я сама себя. В аэропорту или за границей оно будет мне нужно. В Москве нет, не пригодится, на нем все равно никуда не проехать – пандусов нет, кругом ступеньки и бордюры. Все нормально. Но мне очень тяжело видеть свое отражение в зеркале или в витрине, когда я в инвалидном кресле.

Первое кресло, французского производства, немного широкое для меня, но легкое и удобное в обращении, я покупаю за собственные деньги. Процедура оформления инвалидности пугает меня. Не по смыслу, а жуткой унижительной бюрократией. Собрать справки, отстоять очередь, получить вторую группу (мне же нужно право работы!). А самое главное, переоформлять инвалидность в связи с неизлечимым заболеванием требуется каждый год! Это не по мне. Деньги пока есть и у меня, и у моего неулыбчивого спутника, так что без пенсии в четыре тысячи рублей я пока обойдусь...

Но в середине лета все-таки приходится лечь в больницу и колоть гормоны. Зимой, к сожалению, была права я, а не заслуженный академик с орехами. Потихонечку начинаю понимать свой организм и то, как работает в нем болезнь. Но понимание это мало что дает для борьбы. Лекарства-панацеи по-прежнему нет в природе. Более того, если в самом начале я верила в обещание “через пару лет в Америке что-нибудь придумают!”, то теперь я настроена куда более скептически. Я уже не верю ни в чудо, ни в быстрый прогресс науки. Я ни во что не верю. Я только повторяю сама себе: “Для чего-то я должна через все это пройти!”

Но благодаря кортикостероидам (умное название гормонов) болезнь пока чуть отступает, и я снова хожу. На короткие расстояния – метров десять. Правда, без трости уже не получается. Но гормоны действуют на нее второй и последний раз. Больше болезнь на них реагировать не будет.

2003 год стал переломным еще с одной точки зрения. Моя работа в “Открытой России” меняла волей обстоятельств свою направленность и все больше дрейфовала в сторону правозащитной деятельности. В октябре арестовали Михаила Ходорковского.

Тучи сгустились давно. Существует несколько версий, что стало причиной ареста. Одни говорят, что его арестовали из-за того, что он финансировал оппозиционные партии, другие – потому, что хотели отобрать ЮКОС, самую на тот момент капитализированную компанию в стране, третьи – что из его ареста нужно было сделать пример в назидание другим. А кто-то считал, что президентом руководило банальное мальчишеское соперничество. Маленький, страшненький, серенький по факту оказывается сильнее красивого, умного и богатого. Наверное, сработал микст из всех этих поводов.

Ходорковский финансировал оппозиционные партии? Да, несомненно. Причем все. И “Яблоко”, и коммунистов, и СПС. Важно уточнить – он делал это не из средств компании ЮКОС. Она к тому времени была уже белая и прозрачная, с отчетностью по международным стандартам, и объяснить миноритарным акционерам, почему компания тратится на коммунистов, было бы абсолютно невозможно. Как я сейчас понимаю, Ходорковский хотел иметь в России парламентскую республику. Поэтому нам всем в “Открытке” дано было указание искать по всем проектам, во всех регионах людей, которые смогут такую позицию формулировать и отстаивать. Не просто поднимать руки при голосовании. Им Ходорковский готов был профинансировать избирательную кампанию. Мы искали. Сами понимаете, такие люди – на вес золота. Независимые, грамотные, убежденные. Такие были и в партийных списках, и среди шедших по округам. Вот только немного их набиралось – человек сорок. Но власть реально боялась свободной Думы. Один мой высокопоставленный источник рассказывал, что Путин, говоря ему о причинах ареста Ходорковского, выдал что-то типа:

– Вы в 1993 году, когда стреляли танками по Белому дому, какую позицию на мосту имели! А мне на Охотном Ряду не развернуться.

(Я страшно обеспокоилась, когда снесли гостиницу “Москва”.)

Наверное, какие-то подковерные договоренности о том, что олигархи не интересуются политикой, в начале 2000-х действительно существовали, после 1990-х это было понятно и обоснованно. Но это были негласные, неконституционные договоренности. Нарушил их Ходорковский? Да, но как гражданин он имел на это право.

Хотел кто-то прикарманить ЮКОС? Конечно хотел. Желающие были, прежде всего среди фактических хозяев государственных топливных компаний. Знаменитая мартовская встреча Путина с верхушкой РСПП (и публичный спор о коррупции) стала последней каплей к разгрому ЮКОСа. Ходорковский был очень наивен. Теперь он это называет – был недостаточно мудрым. Он всерьез полагал, что в нашем самом гуманном в мире суде ему удастся аргументированно доказать свою невиновность. Но это все потом.

В день ареста Платона Лебедева Михаил выступал у меня на семинаре Клуба региональной журналистики. Собранный и злой, он был готов к борьбе. Сейчас можно говорить, что он явно недооценивал решимость своих недругов непременно засадить его за решетку. Нарушая законы, права человека и даже те понятия, по которым они привыкли жить. Одновременно Михаил переоценивал себя. Не как человека из плоти и крови, которого он обрекает на страдания, а как хозяина и руководителя крупнейшей и лучшей на тот момент рос-

сийской корпорации. Он думал, что его враги не тронут ЮКОС – витрину российского капитализма. Он сам сказал мне как-то в разговоре в начале осени: “Они не враги собственной стране”. Наивный.

Но как бы то ни было, в начале августа уехал из страны Невзлин. Я прекрасно помню, как выписалась 27 июля из больницы и первую ночь переночевала в своем новом доме. Без штор, без посуды. Леня приехал посмотреть дом на следующий день или через день. Привез подарок на новоселье – набор приборов: ножи, ложки, вилки. Договорились встретиться на работе в начале недели. Попрощались на выходные. Но он исчез. Больше в Москве он не появлялся.

В отличие от Невзлина, который принимал участие в моей жизни довольно активно, с Ходорковским мы общались исключительно как начальник – подчиненный. Всегда на “вы”, ни одного слова не по делу. Он вообще производил на меня впечатление человека-машины, человека, которому сантименты чужды и даже неприятны. Так было всегда, за исключением единственного раза – нашей последней встречи один на один в конце лета в большом офисе ЮКОСа на Дубининской. Я снова была с тростью, встала после больницы с коляски. Миша удивился и начал что-то впервые расспрашивать про мою болезнь. А потом сказал очень серьезно:

– Вы, Ирина, следите внимательно за всякими медицинскими новостями. Если какое-то новое лекарство или операция появятся, рассчитывайте на меня. Сколько бы это ни стоило.

А потом предложил проводить меня до лифта. Я оперлась на его руку с одной стороны, на свою тросточку – с другой, и мы похромали...

Когда Ходорковского арестовали, я не вспомнила об этих его словах. Но когда они по какому-то случаю всплыли в памяти, я удивилась, как много они для меня значили в тот день, когда были произнесены. Вроде еще одна подушка безопасности. Вроде и не нужна. Ни лекарства, ни операции никто не предлагает. Нет и не предвидится. А на душе стало тепло просто от сознания, что если что-то возникнет, то для меня оно не будет недоступно. Понятно, что с его арестом эта дополнительная подушка безопасности сдулась...

Летом 2003 года произошла еще одна встреча, сильно повлиявшая на мою судьбу. На сей раз это была встреча с книгой и потом с ее автором.

Книгу Рубена Гальего “Белое на черном” принес мне правозащитник Наум Ним. Он же выдвинул автобиографические рассказы полупарализованного парня с испанской фамилией, выросшего в советском детском доме, на Букеровскую премию. “Открытка” тогда была спонсором премии, и та даже называлась тогда “Букер – Открытая Россия”. “Белое на черном” победил в конкурсе на лучший роман на русском языке.

Книга перепахала меня. Какое право я имею жаловаться? Мне жизнь дала так много: чудесных родителей, теплый дом, студенчество, интереснейшую работу, путешествия! Как не стыдно ныть, как не стыдно завидовать тем, кто здоров?

Мой бывший муж, заехав к дочке, застал мои восторги по поводу книжки Рубена и выдал:

– Зачем это читать, это же так тяжело...

Распространенная позиция людей, которые прячутся от чужих страданий, как будто страдания заразны. Как будто не боятся очерстветь, потерять (или не приобрести) способность к состраданию...

Боятся даже прочитать, боятся даже эмоций. Тяжело? А Рубену каково было жить его жизнью?

Рубену присудили премию, от которой родное государство по закону заграбастало 35 %. Он же нерезидент. Живет в Испании, в Мадриде, с недавно найденной мамой. Мы начали общаться по скайпу. А весной 2004 года мы в складчину с моими сотрудниками купили Рубену компьютер “Макинтош”, чтобы он мог работать, лежа в кровати, а не сидя за столом. И я повезла белую машинку в Мадрид.

Рубен поразил меня несколькими фразами и одним поступком.

Он совершенно не думал жалеть меня. А я ведь тоже приехала на кресле. Только маленьком и легком. А главное, с этого кресла я могла встать и пересесть на стул. Встать и пойти в ванную. Встать и перелечь на кровать. А он не мог. Его кресло было громоздкое и напичкано электроникой, как космический корабль. И с высоты своего кресла он сказал мне довольно грубые слова:

– А вот теперь жизнь проверит, дерьмо ты или нет.

Перевела дух. Справедливо.

Вторая важная максима, которую я напрочь отказалась понять сначала:

– Чем быстрее ты признаешь себя инвалидом, тем легче тебе будет жить.

Над этой фразой мне, привыкшей до последнего скрывать свои физические немочи, предстоит еще думать и думать.

Мы с моим неулыбчивым спутником заказали какой-то очень популярный в Мадриде ресторан (в гостинице утверждали, что он самый старый) и пригласили поужинать Рубена с мамой Авророй. Позвонили предварительно в ресторан, чтобы уточнить, есть ли доступ для коляски. Но не уточнили, для какой конкретно. Габариты же имеют значение. Доступ был, но только для такой коляски-малявки, как моя. Как втащили внутрь Рубена, я плохо помню, пришлось открывать что-то, что было замуровано еще в позапрошлом веке.

Но главные трудности были впереди. Мы засиделись, и ребята забыли пораньше вызвать специальную перевозку. Когда спохватились, один водитель уже уехал на вызов, второй ушел домой и успел выпить вина... А их в Испании вообще и в Мадриде в частности совсем мало. Рубен ворчит про “необорудованную страну”. Подзабыл Россию.

Короче, в 10 вечера мы сидим в центре Мадрида с нулевой вероятностью найти транспорт для доставки Рубена домой, на окраину города.

И тут он решительно так говорит:

– Сейчас девочки (это я и Аврора) на такси поедут в гостиницу. А мы, мужики, пойдем пешком.

Мадрид – не Лос-Анджелес, где все дороги покрыты асфальтом, гладким как зеркало. Мадрид – город, замощенный весьма исторической брусчаткой, а это значит, что кресло Рубена будет трясти немилосердно. Толкать кресло не надо, оно с электроприводом, так что не устанет никто, кроме самого Рубена. Но он был готов к тряске, а потом, как следствие, к жуткой боли. Потому что он – мужик. Ну и еще на минуточку испанский кабальеро, который не может ударить в грязь лицом перед дамами.

В последний момент служащие ресторана, у которых мы были последними посетителями (а выгнать нас было бы немилосердно), нашли какую-то подходящую машину, и мы избежали героизма.

У меня появилось со временем много друзей-приятелей, которые были инвалидами детства. Все они без исключения – люди сильные духом. С одним из них, колясочником Мишей, живущим в Новосибирске и регулярно наматывающим тысячи километров на необорудованной праворульной “тойоте” по не приспособленной для таких путешествий нашей стране, у меня был такой разговор.

– Миш, как ты считаешь, что больнее, что мучительнее для человека – не быть в состоянии ходить изначально или потерять эту способность в течение жизни?

Странный вопрос, да? Но для меня очень важный...

Мой друг Мишка Коваль – человек, живущий полной жизнью: дети, бизнес, любовь – отвечает:

– Потерять страшнее, чем никогда не иметь... Ты ведь знаешь, что ты потеряла.

А я думаю по-другому. Я-то это все попробовала. Я-то помню, как это было легко: танцевать, бегать, гонять на велосипеде.

– А мне кажется, большее для человека ни разу в жизни этого кайфа не ощутить. У тебя же есть глаза, и ты видишь, как другие это делают. А сам не можешь. И не мог никогда. Но ты ведь знаешь, что судьба изначально обделила тебя...

И Миша, и я уверяли друг друга, что нам – ерунда, другому труднее.

Я старательно вспоминаю, когда именно со мной это началось. Ведь точно раньше, чем в 1999-м. Пожалуй, еще на десять лет раньше. В 1988 году в конце февраля я переболела гриппом. На улице начиналась весна. Дул теплый, влажный ветер, приносящий весенние запахи тающего снега. Бабушка – а это был последний год ее жизни – внимательно следила за тем, как я собираюсь в библиотеку. Я училась в аспирантуре.

– Шапку надень. Только после температуры, – подсказывала она.

Головные уборы я ненавидела с детства. Я, как многие прямоволосые девушки, всегда мечтала о пушистых, вьющихся волосах. Любая шапка, платок, берет тут же делали мои густые, блестящие волосы еще более гладкими. Я, естественно, фыркала с великим недовольством – “более прилизанными”.

Выйдя из подъезда и зайдя за угол, я спрятала свой красный, с черным околышем берет в карман. Чтоб бабушка не видела... Где были мои мозги? Взрослая ведь, замужем, с высшим образованием...

На следующее утро перед левым глазом возникло большое белесое пятно. Повернуть глазное яблоко было невыносимо больно. Я чуть не упала на улице, когда, услышав, что подъезжает автобус, резко повернула голову.

Пошла в университетскую поликлинику. Доктор поставила диагноз “ретробульбарный неврит”. Что это такое, я не знала. Справку про освобождение от занятий дали аж на два месяца. Дура-аспирантка, то есть я, страшно обрадовалась – срок аспирантуры автоматически будет продлен на эти два месяца! Знала бы я, что этот неврит – дебют рассеянного склероза. А с другой стороны, не знала – и слава Богу. Продолжала жить нормальной жизнью здорового человека, не береглась, не тряслась, родила ребенка. А прочитала бы в медицинской энциклопедии, что после беременности и родов у женщин, больных рассеянным склерозом, обычно возникают обострения, и не стала бы рожать. И не было бы моей Варюшки, самой большой любви и самого крепкого якорька в моей жизни.

Лечение от этого “вульгарного” неврита было препротивным. Мне делали уколы в глаз. Фильм ужасов. Но все плохое кончилось. Молодость продолжалась.

Были и еще сигналы будущей беды. Летом после рождения Варюшки – ей было месяцев восемь – мы с мужем пошли играть в бадминтон. В юности я играла довольно прилично для любителя. А тут вдруг я ни разу не попала ракеткой по воланчику. “Корова, – обругала я сама себя, – беременность, сидение с деткой дома даром не проходят. Надо спортом заниматься!” А это было серьезное нарушение координации движений – очередной симптом РС. Пробовала научиться играть в большой теннис – ничего не выходило.

Года через два начали неметь кончики пальцев рук. “Сосуды, – решила я, – надо бросать курить”. Курить я через какое-то время бросила, онемение не прошло, но я уже не обратила

на это внимания. Нитку в иголку вдевать не получалось – что ж, попрошу зашить свекровь, она ж такая умелая.

Я не заикливалась. Не замечала. Проще было не замечать? Много работала, часто летала в командировки, переносила гриппы и другие болячки на ногах, летом загорала – цвет моего загара был очень соблазнительным... А загорать-то было нельзя.

Под самый занавес 2003 года, 31 декабря, умер мой однокурсник и близкий приятель Никита Кириченко. Был он одним из самых талантливых студентов нашего очень яркого курса. Сын известного экономиста Вадима Кириченко, он стал журналистом и создал журнал “Эксперт”. Потом нынешнее руководство журнала Кита оттуда мягко выдавило.

Никита умер от инфаркта в тридцать девять лет. Моментально. Его смерть стала для меня символом нового подхода к жизни.

Про себя, никому об этом не рассказывая, я отсчитала тот день, когда бы это произошло со мной. Если бы смерть пришла ко мне, когда я была совершенно в том возрасте, в каком был Никита. Получалось 9 января 2003 года. А все остальное, все последующие дни, месяцы, годы – подарок. В принципе от подарка можно отказаться. Но лучше ему радоваться...

Потом я рассказала об этом своем “якоре”, не дающем мне впадать в уныние, Никитиной вдове Наташе и его близкому другу, своему однокурснику Коле Арутюнову. Они не осудили меня. А Колька сказал:

– Если его смерть пригодится хоть так, хоть чуточку научит других ценить жизнь, Никита бы не возражал.

2005

Я еще могла ходить с тросточкой. Хотя ходить – громко сказано. Сделать два десятка шагов. Даже до туалета на работе меня провожали мои дорогие сотрудники. Но я решила, что могу много летать. Крылья, мотор, чемодан. Я полетела в Америку.

Соединенные Штаты – очень любимая мною страна. Там когда-то в 1990 году я начала работать в журнале (после чего и стала журналистом), там впервые почувствовала, что мир открыт передо мной. Эта страна была всегда добра ко мне. И в мелочах, и в вещах существенных. Начиная с самого первого моего приезда в апреле 1990 года. Денег не было совсем. То есть совсем-совсем. Не на что было купить зубную щетку вместо забытой в Москве. В таком состоянии я нашла на улице пятидесятидолларовую банкноту. Мы с мужем купили-таки щетку. Осталось на обед в китайском ресторане, пакетик сладкого арахиса, черную майку *NEW YORK* и два галстука за девять долларов у чернокожего уличного торговца. Один – папе, второй – мужу.

В Америку мне было надо по многим поводам. Первое – попробовать по просьбе адвокатов Ходорковского пови выступать в университетах и рассказать о сути процесса и претензиях российской власти к МБХ. Второе – повидать свою первую любовь и посмотреть, как он живет. Знакомые говорили, что стал он чуть ли не членом религиозной секты. Третье – где, как ни в США, доказать самой себе, что человек на инвалидной коляске по сути ничем не отличается от здоровых жителей планеты.

Путешествие началось с самого заочно обожаемого мною места – города Сан-Франциско. Был апрель. Мы сидели с моей первой любовью, которого я не видела двадцать пять лет, на берегу Тихого океана, ели безвкусную американскую клубнику и слушали танго.

Сан-Франциско... Солнце садится в океан, чтобы взойти для нового дня уже в Японии. Все мои мечты о путешествиях, зародившиеся в детстве, когда папа повесил над моей кроватью географическую карту, воскресали и гасли. Все это было чистой сказкой. Ноль пересечений с реальностью.

Главный вопрос, на который мне самой себе хотелось ответить – хочу ли я попробовать переехать в Штаты?

С этой целью я все-таки решила посмотреть на место, где нашел себя Витюша, моя первая любовь. Может, и мне туда надо? И я полетела туда еще раз, попутно рассказывая на всяких семинарах и конференциях погруженным в свои проблемы американцам про трудности гнобимого властью российского гражданского общества.

Любовь моей юности обрел свое счастье жизни на севере Калифорнии. В горах, где к человеку подходят дикие лани и не принимает мобильный телефон. Сами жители этого сказочного затерянного мирка называют свою огороженную территорию церковью. Поклоняются гармонии и красоте. А по мне – они натуральная секта. Не секта Джима Джонса, совершившая в 1978 году массовый суицид в Гайане. Конечно нет, но... Странное место, оторванное от мира. Виноградники, цветы. Наверное, летом здесь красивее. Я-то видела это в январе, когда все затянуто сырým туманом. Но нет, мне мешает расслабиться, режет взгляд что-то более существенное.

В доме, где живет Роберт, их гуру, статный англичанин лет шестидесяти (я видела только портрет, если бы он был в доме, мне бы не разрешили туда войти), удушливый запах сотен живых лилий. Их расставляют по вазам молчаливые, тихо улыбающиеся женщины. Гармония? Не ощущаю. В комнате, обитой голубым, соседствуют Будда и кокетливый Эрос,

подносящий пальчик ко рту, и ещё кто-то совсем из другой оперы. Ну и ладно – имеют же люди право поклоняться разнообразной красоте в одном флаконе сразу?

На улице под дождем мок красивый, не работающий в это время года фонтан. Мой любимый сказал, что это произведение их Роберт привез прямо из какой-то французской усадьбы – XVIII век!

Хм, я бы сказала, что новодел, причем американский. Видела, как выглядят настоящие. Но нюхать места спаек, чтобы определить подлинность, как это обычно делают знатоки, было неудобно. Говорят, что место припоп пахнет очень долго. Но не мое это дело – истину искать, людям явно Роберт этот нравится. А что дурит их... Их выбор.

Добил меня преysкурант. Оказывается, за завтрак-обед-ужин с Робертом надо платить. Завтрак – дешевле, ужин – самый дорогой.

Не место это для меня.

На обратном пути, а езды до Сан-Франциско было почти четыре часа, мы с Витюшей говорили о чем-то очень высоком и умственном. О природе страдания, например. Я подумала, что моя первая любовь – изумительно счастливый человек. Он сконструировал себе раковину, которая полностью защищает его от страданий. И теперь ему главное надо не анализировать происходящее, а только и исключительно думать про ненастоящее, про придуманное. Верить и восхищаться. Но я так точно не смогу. Витюша, по-моему, почувствовал, что я не прониклась. Не спросил меня, чуткий человек, о моих впечатлениях. Больше мы не виделись. Но осталось очень светлое и важное знание на всю жизнь – наша первая любовь, и у меня, и у него, была настоящей: искренней и взаимной.

Возможно это или невозможно – перебраться в Америку, я пока себя не спрашивала. Это был следующий вопрос. Первый – надо ли мне это? Переехать в страну, где даже в универмагах есть примерочные для человека в инвалидной коляске. Абсолютная свобода передвижения. Улыбающиеся люди на колясках. В Европе для колясочника вход в государственные музеи бесплатный. А в Штатах плати полную цену. Это потому, что у тебя равные с другими возможности. И обязанности тоже равные. Привлекательно очень.

Еще одно впечатление про Америку пришло ко мне через год, во время встречи в Петербурге с американским президентом Джорджем Бушем-мл. Над ним сейчас принято посмеиваться и обвинять в глупости и самоуверенности. Я совсем про другое. Про американское отношение к инвалидности.

На встрече я сидела от него по левую руку. Рядом. Соответственно, когда делалась протокольная общая фотография, надо было встать. Стоять мне было тяжело. Он увидел и среагировал немедленно:

– Возьмите меня под руку!

Так я и запечатлена на парадной фотке – под ручку с американским президентом. Пока мы фотографировались, он спросил, что со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.